

понимания среди наших филологов, становится неотложной задачей. В самом деле, ведь не один только Л. И. Тимофеев полагает, что современная теория литературы «с достаточной полной охватывает свой предмет и, что очень существенно, устанавливает органическую связь между различными сторонами художественного творчества, в том числе и языком...» (с. 173, 174). С этим невозможно согласиться. Как раз понятие поэтического (художественного) языка в «Основах теории литературы» (и не только в них) получает очень обедненную, а то и искаженную характеристику.

Здесь, конечно, не место подробному разбору соответствующих разделов книги. Поэтому обратим внимание лишь на те из положений ее автора, которые отражают общий для нашего литературоведения (за немногими исключениями) недостаток в подходе к поэтическому (художественному) языку, к языку как системе.

Хотя к лингвистическому изучению обычного языка («как такового») Л. И. Тимофеев относится с пониманием, он недооценил цитируемый им призыв пращев «изучать поэтический язык как таковой». По существу он видит лишь общенародный язык (или литературный язык — термин, который используется в книге не всегда строго лингвистически; см., например, с. 190) и «язык художественного произведения», т. е. эмпирические языковые факты данного текста, не возводимые к какой-либо специфической развивающейся системе (= поэтическому языку; ср. выше замечание о сосюровской дистинкции в ее современном статусе) или хотя бы к «норме» индивидуального стиля. На с. 258 Л. И. Тимофеев вспоминает «старое выражение, что эмпиризм есть худший вид философии», несомненно, однако, что оно «оправдывает себя» не только «в отношении к литературе», но и в отношении к поэтическому языку.

Правда, в конце книги, в главе «Стиль и течение», есть раздел «Стиль писателя» (с. 406—411), в котором так или иначе происходит выход за пределы языка отдельного произведения, говорится и о «сходстве» в языке писателя, «проявляющемся на протяжении всей его литературной деятельности» (с. 407) и т. д. Однако сколько-нибудь конкретное раскрытие понятия стиля автор вообще не считает задачей теории, предоставляя это «историко-литературному анализу» (с. 411). Между тем хорошо известно, как слабо еще история литературы — и прежде всего из-за теоретической неразберихи — раскрывает именно «языковое» в стиле. К тому же стиль сопоставляется с методом как «индивидуальное» — с «наиболее общим» (там же). Нужно ли (и если нужно, то в каких терминах и как) анализировать и «не наиболее общее» в том, что сближает (и различает) писателей, например в языке, остается при этом неясным. Из другого раздела («Литературное течение и метод») как будто следует, что нужно, однако о языке здесь говорится уже почти исключительно на уровне таких верных, но слишком общих абстракций, как «стремление к демократичности», «однородные установки», «своеобразная система языка» сентиментализма (с. 412, 413, 415). В заключающих же книгу разделах («Литературный процесс» и «Метод социалистического реализма») даже слово *язык* быстро исчезает, а вслед за ним и слово *стиль*.

Вот на какую общую нашу беду важно в этой связи обратить внимание участников дискуссии, а также организаторов новейших «теоретико-исторических» исследований в области смены литературных стилей. Л. И. Тимофеев включил главу «Особенности языка художественной литературы» в часть книги, озаглавленную «Анализ художественного произведения», а главу, посвященную стилю, — в совсем иную часть — «Анализ литературного процесса» (разрядка всюду моя. — В. Г.). Эти противоречивые решения имеют серьезные последствия: первое просто не позволяет полно и систематически охарактеризовать сущность и своеобразие поэтического языка (понятие это отсутствует в «Указателе терминов»; ср. наличие статьи «Язык поэтический» —